

ПАМЯТИ МОИСЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КОГАНА (1907–1982)

Моисей Александрович Коган — видный советский историк-скандинавист, доктор исторических наук. Он родился в 1907 г. в городе Браславе Подольской губернии. В 1937 г. окончил исторический факультет Ленинградского университета и начал свою научно-педагогическую деятельность. В годы Великой Отечественной войны он, уйдя добровольцем на фронт, прошел путь от рядового до майора-переводчика штаба армии, был участником Сталинградской битвы и закончил войну в Праге, имел 6 правительственных наград. С 1945 г. до выхода на пенсию читал лекции в Пединституте им. Покровского (где был деканом исторического факультета), а затем в Пединституте им. Герцена. В первые послевоенные годы им был разработан и читался первый в СССР курс истории Скандинавских стран. М.А. Коган был блестящим лектором, пользовался заслуженной любовью студентов.

Как скандинавист, М.А. Коган был единственным крупным советским ученым, занимавшимся проблемами истории Дании. Ему принадлежит серия работ по датской истории XVIII в., в том числе докторская диссертация о просвещенном абсолютизме в Дании и реформах Струэнзе (1972). М.А. Коган был также крупнейшим советским специалистом по истории путешествий и географических открытии скандинавских викингов; им опубликована и серия статей с разоблачением фальсификаций по этой проблеме.

Долгие годы М.А. Коган пользовался заслуженным авторитетом среди историков-скандинавистов, много помогал научной молодежи. Он был ученым с энциклопедическими знаниями, ярким и талантливым исследователем, добрым и благожелательным человеком.

Моисей Александрович Коган

Из воспоминаний М.А. Когана

Глубокое волнение охватывает, когда мы вступаем на территорию Германии. Шлагбаум. Первые немецкие дома. Они пусты, население панически бежало. Немцы испытывают теперь все ужасы войны у себя дома! А давно ли я читал в немецкой газете: «Благодаря превосходству нашей армии война бушует далеко от наших границ». Первые немецкие города. Здесь можно встретить и неубежавших немцев. Они робко взирают на нашу победоносную армию. Белые флаги позора и капитуляции развеваются из окон домов. Белые повязки носят немцы.

Узнаю, что неподалеку от города имеется рыцарский замок. Он виден на горе, километров три от меня. Отпросился у начальства и дошел до замка. Закрыто, ни живой души. Но из трубы идет дым, кто-то живет. Стучу в ворота. Испуганный голос из-за ворот: «Вер да?» Говорю: «Русский офицер. Откройте!»

Появился перепуганный смотритель замка. Он живет в комнате прямо в стене крепости. Мой немецкий язык позволил сломать лед, старик пошел показывать мне замок. Он поздний — XVII века, разрушен в Тридцатилетнюю войну (1618–1648), но все же можно увидеть палаты феодала, пыточную камеру, площадь для турниров, помещения для челяди, видна система обороны.

Старик вызывает жену. Рекомендует меня: «Господин майор говорит по-немецки! Вы немец, господин майор?» Это была «пятерка» за немецкую речь. — «Я не немец, русский офицер». Старушка выносит фотографию и протягивает ее мне. Солдатская могила в снегу. Крест с овальной дощечкой, на вершине креста — солдатский шлем. Единственный сын погиб под Сталинградом. Не видел ли господин майор эту могилу? Сдерживаю улыбку, ведь это мать и материнское горе. Объясняю, что благодаря вашему фюреру таких могил в России миллионы. Возможно, я видел и эту могилу. Я оборонял Сталинград. Тут оба старика заплакали навзрыд и стали проклинать «Гитлера и его банду, погубивших немецкий народ и Германию». Эти слова я слышал уже много раз, далеко не всегда они звучали искренне, но здесь я им поверил. Прощаюсь и ухожу.

16 апреля начинается битва за Берлин. Соседний фронт форсирует Одер (Одру) и завязал ожесточенные бои за Зееловские высоты. Берлин слышит

гром наших пушек! Товарищи с нетерпением ожидают моего возвращения с узла связи — я приношу самые свежие новости от Генштаба, штаба фронта, соседей справа и слева. Офицеры разведотдела сразу бросаются к картам. Наступление наших войск на берлинском направлении необыкновенно эффектно на карте. Ясно виден наш замысел — окружение столицы Германии.

26 апреля идут уже уличные бои в Берлине. 30 апреля войска нашей и соседней армий освобождают крупный город Моравии — Моравску Оставу (ныне просто Острава). Важный промышленный центр (металлургия, машиностроение, автостроение, химия). Разрушений в городе немного, заводы целы. Население с энтузиазмом встречает нас (это не Польша! И притом до 1968 г. еще двадцать три года...).

В автомобиле летят цветы; города и деревни в флагах СССР, Англии, США и Франции, но решительно преобладают флаги нашей страны. Толпы людей на улицах даже ночью. Нет недостатка в помощниках, подростки взбираются на подножки и крылья машин, охотно указывают дорогу. Их возгласы: «Поди!» вначале настораживают, но оказывается это просто «Внимание!» (буквально: «Смотри!») — предостережение, дорогу машинам! У юношей горящие глаза, счастливые лица. Выпаливают заученные русские слова: «Мы вас ждали шесть лет!»

И бурлит весна. Незабываемая весна Великой Победы!

30 апреля слушаю немецкое радио (строго говоря, слушать вражеские передачи вроде бы и запрещалось всем, кроме особо назначенных для этого лиц, но война умирает, остались до Победы считанные дни, и с запретом не считаются).

Ловлю речь адмирала Деница о смерти Гитлера (не ясно, какой смертью он издох! По траурно-напыщенному тону речи Деница можно сделать вывод о том, что фюрер Рейха пал в бою). Назначено по воле Гитлера новое правительство с Деницем во главе. Ни слова о капитуляции. Звоню полковнику, он не сразу мне верит, потом успокаивается и звонит командарму. Вскоре уточнение немецких передач — Гитлер покончил с собой в бункере правительственной канцелярии, когда наши бойцы находились примерно в трехстах метрах от убежища фюрера рейха... Очевидно, нашим войскам был дан приказ захватить Гитлера живым; это не удалось.